

МОДЕРНИЗАЦИЯ *versus* НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Глобализационные и модернизационные процессы глубоко затронули ценностные основания идентификации людей. В периоды всеобъемлющих трансформаций идентичности как самотождественности, «символические самоопределенности» (С. Хантингтон) подвергаются серьезным испытаниям. Не случайно, сегодня все чаще говорят о таких явлениях, как «*identity crisis*» («кризис идентичности») или «*identity vacuum*» («вакуум идентичности»). Наиболее остро стоят вопросы самоидентификации народа, нации, государства, то есть этнической, национальной, государственной идентичности, что особенно актуально для стран постсоветского пространства. Бывшие советские республики в большинстве своем переживают кризис национальной идентичности, вызванный распадом СССР и необходимостью поиска новых оснований для своей общности.

Теория «модернизации», возникшая в 50-60-х гг. XX в. в лоне университетской науки США под влиянием работ Т. Парсонса и Р. Мертон, была создана американскими специалистами по странам «третьего мира» (С. Липсет, Ф. Ригтс, Д. Энтер, Р. Уарт, С. Хантингтон и др.) для объяснения происходящих там процессов, взрывающих традиционный порядок и способствующих переходу этих стран к индустриальному и демократическому обществу. Позднее данная теория была взята на вооружение США и другими западными государствами для обоснования их политики в отношении стран Азии, Африки, отчасти Латинской Америки. После исторического поражения коммунизма и распада СССР объектами изучения теории модернизации стали и постсоветские республики.

Модернизация (франц. *modernization* – обновление) в историческом значении – это макропроцесс перехода от традиционного общества к современному, от аграрного – к индустриальному, процесс полной или частичной реконструкции общественной системы с целью ускорения развития. Модернизированное общество имеет комплекс взаимосвязанных черт, которые часто рассматриваются как отдельные процессы экономической, политической, социальной и культурной модернизации.

Заметим, что происходящая в истории смена способов производства, форм правления, типов мировоззрения, если, она, естественно, никем заранее не планируется, будучи развитием, не может считаться модерниза-

цией. Так, реформы, проводимые на Западе (например, кейнсианская), не были модернизацией, поскольку не требовали от западного человека отказа от его идентичности. Они могли испытывать на себе влияние разных идеологий — от либеральной до социал-демократической или консервативной — но не подрывали у людей их западной самоидентификации [1].

Различают два основных типа модернизации — органическую и неорганическую. Органическая модернизация подготавливается внутренней эволюцией общества, происходит благодаря ресурсам собственного развития и начинается не с экономики, а с изменений культуры, общественного сознания, ментальности, мировоззрения. Например, переход Англии от феодализма к капитализму в результате промышленной революции XVIII в. Капитализм в этом случае предстал естественным следствием изменений у традициях, ориентациях, мыслях людей. Органической модернизации свойственны имманентные закономерности и творческий поиск путей усовершенствования политической, экономической, культурной и социальной жизни общества, а развитие происходит у форме непрерывного эволюционного, реформационного процесса.

Неорганическая модернизация обусловлена не внутренними, а внешними факторами и является ответом на вызов со стороны более развитых стран. Она начинается не в сфере культуры, а в экономике и/или политике и осуществляется преимущественно под влиянием заимствования чужих технологий и форм организации производства и общества, привлечения инвестиций, приглашения иностранных специалистов, обучение кадров за границей. Итогом ее есть не столько совокупность качественных изменений общества, сколько усвоение технологических достижений Запада. Неорганическая модернизация является своеобразной реакцией на достижения развитых стран, формой «догоняющего развития» с целью преодоления исторического отставания и характеризуется неравномерностью изменений в экономике, политике, культуре, социальных отношениях. Например, Россия неоднократно пыталась догнать развитые страны (петровские реформы XVIII в., индустриальная модернизация 30-50-х гг. XX в., перестройка 1985 г.).

В любом случае модернизация процесс вторичный, как бы повторяющий, копирующий сделанный кем-то первоначальный ход. Не каждая модернизация инновационна по своей сути: большинство индустриальных модернизаций в XIX-XX веках носили догоняющий характер и были направлены на достижение уровня технологического и экономического развития стран-лидеров. Но каждая модернизация имеет четкое ограничение во времени, проектную логику и определенного субъекта и выгодоприобретателя.

Существуют два основных подхода, в контексте которых воспринимается и оценивается процесс модернизации: линейно-стадиональный или формационный и цивилизационный. У контексте первого подхода модернизация рассматривается как переход от традиционного, административно-командного общества к современному, либерально-демократическому, а согласно второго, модернизация – это спектр возможных изменений и которые в историческом смысле равноправны, уже хотя б по праву своей возможности быть. Модернизация, взятая во временном измерении, постаёт как переход от наличного существующего социокультурного состояния к другому. То есть, определены универсальным линейным развитием или «избранные» формы бытия осознаются как что-то гарантированное. То, что мы куда-то движемся – факт, только неизвестно, станет ли фактом то, что мы куда-то придем и придем ли вообще. Переход, как возможная смена форм и способов бытия, не гарантирует самого бытия. Он ставит его под вопрос, поскольку в самом механизме перехода они «сходятся» в своей непосредственности, а, значит, теряется гарантированность осуществления бытием, что может обернуться потерей идентичности [2].

Считается, что развитые промышленные страны уже апробировали определенную модель перехода от традиционного общества к современному, постмодерному. В соответствии с этим выделяют «передовые», «прогрессивные» общества, и те, кто им подражает, а саму модернизацию рассматривают как взаимодействие цивилизаций, осознанное копирование западных обществ, выступающих в качестве «стран-образцов», а иногда – как синоним вестернизации или американизации. Социокультурная ситуация современного мира характеризуется наличием силового модернизационного поля, которое притягивает и подталкивает другие страны к западной, либерально-демократической модели общественного развития. Заметим, что в новейших теориях мера такого наследования уже не рассматривается как полное копирование опыта Запада, но определяется осуществлением ряда обязательных мероприятий при сохранении весомой национальной специфики.

Результаты модернизационных процессов в этих странах свидетельствуют, что догоняющая модель иногда способствует закреплению подчиненного положения незападных стран на мировом рынке, приводит к разрушению традиционных ценностей без полноценной замены их новыми, подрыве социокультурной основы общества. А ведь именно традиционные ценности, культура на протяжении всей истории человечества представляют собой не только основу национальной, социокультурной идентичности, но и своего рода «матрицу» для социальных трансформаций.

Практическая несостоятельность данного подхода привела к необходимости переосмысления теорий модернизации, основанных на идее универсализма и приоритета западной модели. В итоге уже в 70-90-е годы XX столетия концепции развития и модернизации были пересмотрены. Более детально стали исследоваться конкретные модернизационные процессы с учетом специфических исторических и национальных условий, культурного своеобразия стран. Приоритетной целью модернизации было названо изменение социально-экономических и политических структур, которое могло бы проводиться и вне западной модели. Появляются концепции «частичной модернизации», «тупиковой модернизации», «кризисного синдрома модернизации». В рамках этих концепций не отрицается универсальность общественного и политического развития. Вместе с тем принцип универсализма сочетается с партикуляризмом, а их органичный синтез рассматривается как залог успеха модернизационного процесса.

Российский исследователь проблем модернизации В. Межуев, указывая на главный изъян модернизации – ее репрессивный и унижающий национальное достоинство характер, считает, что модернизация исчерпала себя не только по форме, но и по существу – как способ перехода от традиционного общества к современному. Ведь современность отождествляется в ней с индустриальной фазой общественного развития, а сегодня эта фаза сменяется другой, как бы ее ни называть – постиндустриализмом, информационализмом, глобализмом и пр. Мир переживает переход к тому, что имеет много названий, но пока не получило однозначного определения. Но ясно одно: этот переход сопровождается кризисом всех форм идентичности, известных до сих пор, кризисом всех модернизаторских идеологий эпохи индустриализма – от либеральной до социалистической. С какой системой идей и ценностей вынужден будет идентифицировать себя человек эпохи постмодерна (или позднего модерна) – вопрос открытый и не имеющий пока общепризнанного решения [1].

Поскольку процесс модернизации не произошёл одновременно во всех странах, то вследствие этого учёные говорят о лидирующих странах и странах с догоняющим типом модернизации. Обычно догоняющая модернизация создает анклавы современной жизни, например крупные города, подобные Сан-Паулу и Рио-де-Жанейро в Бразилии, Москве и Санкт-Петербургу в России, существенно отличающиеся от провинции и образом жизни, и состоянием сознания. Такая анклавная модернизация, ломая традицию, ставит общество перед отсутствием перспективы. Она

создает очевидное неравенство, обещая равные шансы (чего не делало традиционное общество), но поскольку реально эти шансы не для всех, то растет социальное недовольство.

Неудивительно, что даже в странах первого эшелона модернизации прослеживается тенденция к реставрации историко-этнических символов, местных традиций и культурных особенностей. Для многих они становятся неотъемлемыми чертами индивидуальной и групповой идентичности, «гарантами» ее устойчивости. Так, неотъемлемой составляющей «экономического чуда на реке Хан» – успешности модернизационной модели Республики Корея – явилось воплощение конфуцианских ценностей, которые, в частности, определяют: корпоративный подход к любым проблемам и консенсус при выработке практических решений; традиционно почтительное отношение к институтам власти; усилия по поддержанию порядка и гармонии в обществе; чрезвычайно важная роль семьи и других социальных сообществ; самодисциплина и приоритет коллективных интересов над собственными; исключительно важная роль образования; уважение к старшим и тому подобное. Невзирая на форму политического режима, периоды экономической отсталости, экономическую и внешнеполитическую зависимость, корейцам удалось сохранить такие черты, как патриотизм и национальная гордость.

Проблемы стран, ставших на путь самостоятельного развития, состоят в том, чтобы эффективнее, экономичнее и рациональнее применить модернизационную модель, перенести ее на национальную почву за счет сочетания собственных традиций и ресурсов и определенной внешней помощи. Теперь «эталонный» подход к модернизации вытеснен взглядом на модернизацию как национальный проект, осуществляемый странами ради уменьшения неравномерности уровней развития и как средство преодоления исторического отставания. Общая тенденция состоит в замене политико-центричной модели на культуроцентричную, развивающую идею модернизации с опорой на собственные традиции и ценности. В. Федотова предлагает называть ее постмодернизацией, которая, как она справедливо полагает, не снимает противоречия институционального и культурного (ценностного) в ходе ее проведения [3].

Глобализация и модернизация обусловили во всем мире процесс преобразования ценностных оснований идентичности, они снижают способность, как отдельных общностей, так и индивидов к сохранению базовых ценностей. Российский ученый Л. Блохин, исследуя традиционные социальные системы на примере стран Западной Африки, отмечает: «До-

статочно долгое время считалось самоочевидным, что требования модернизации состоят в замене традиционных социально-экономических структур и технических средств теми, которые сложились и используются в Европе». Отвечая на вопрос «Что такое модернизация?», ученый раскрывает ее сущность следующим образом: «Модернизация – это не просто изменения, отвечающие современным требованиям, а изменения, диктуемые извне, со стороны внешней среды, поскольку изменения, вызванные внутренними причинами, называют развитием». То есть при насильственной модернизации или ситуации, которая диктует модернизацию, происходят грубые изменения матрицы культуры [4].

В результате противоречия процессов модернизации оказались противоречиями имитации и подражания опыту Запада. Вместо модернизованности наблюдается распад национальной традиционной культуры и неспособность сформировать новую, а процесс модернизации аграрных обществ имел поверхностный и анклавный характер. Заявленные цели не были достигнуты, а стратегия догоняющей модернизации оказалась неэффективной во многом из-за того, что сущность этого процесса осталась за пределами теоретической рефлексии, уступив место редукционизму.

Провал первого, а потом и второго десятилетий программ развития, провозглашенных ООН, был (хотя это далеко не всеми еще осознано) закономерным результатом губительной стратегии модернизации, направленной на разрушение традиционных социально-культурных структур, которые рассматриваются как препятствие развитию настоящей модернизации. Не удивительно, что разрушение таких структур, а вместе с ними и природных экосистем, с которыми они теснейшим образом связаны, происходит тем быстрее, чем более масштабной была такая помощь, считает Л. Блохин. В условиях тропиков существует свой проверенный временем код адаптации, поэтому «Африка должна идти своим путем».

Любые модернизационные преобразования предполагают учет социокультурных особенностей трансформирующегося общества. Под влиянием глобализации и модернизационных процессов идентичность либо изменяется, либо набирает новых оттенков, не свойственных данной культуре. Говоря об изменениях в современной Японии, российский японовед В. Рамзес акцентирует внимание на их негативном влиянии на моральные ценности японцев, выступающих как интегрирующее начало для общества и его институтов. Модернизационные процессы все больше усиливают их «эрозию», что наблюдается на всех уровнях – на семейном, на уровне фирм и на общегосударственном. Как следствие в японском обществе на-

чался процесс ухода от традиционного уклада на всех социальных уровнях. Так, на семейном уровне наблюдается постепенное нивелирование полномочий мужчины как главы семейства; укрепление статуса женщины; смягчение начальственного тона родителей относительно детей; снижение желания наследников смотреть за старыми родственниками. На уровне фирмы наблюдается деградация патриархальности быта в фирме по мере вхождения системы пожизненного найма и платы за возраст; угасание чувства фанатической преданности персонала к компании-наемнику; возрастание мобильности работников как свободных агентов рынка. Что же касается общегосударственного уровня, то здесь наблюдается распространение скептического отношения граждан к перспективам страны, то есть снижается национальная амбициозность. К тому же отмечается, что возрастающая зависимость от информатизации порождает явление «атомизации» в обществе, вследствие чего видится возможным против воли самых японцев постепенное «растворение» моральных ценностей, потеря чувства принадлежности к единой нации [5]. Это при том, что неорганическая модернизация в Японии за краткое время трансформировалась в органическую.

Очевидно, что изменения идентичности обусловлены социальными изменениями, направление которых определяется противоречиями между потребностями в универсальных глобальных ценностях и требованием сохранить самобытность, что можно классифицировать как столкновение идентичностей. Изменения традиционного уклада, потеря и приобретение новых идентичностей становятся причиной кризисных явлений для национальной и культурной идентичности, границы которых также претерпевают изменения вследствие модернизационных процессов.

С провозглашением независимости перед Украиной открылись широкие возможности для всеохватывающей модернизации ее общества с учетом мирового опыта и реализации собственного социокультурного потенциала. В послании к Верховной Раде Украины Президент Украины В. Янукович осуществление системной модернизации всего комплекса отношений и институтов – государства, экономики, общества назвал стратегическим направлением, интегральной характеристикой всех изменений и реформ [6]. Модернизация для Украины встает не только как задача социокультурных и политико-экономических реформ соответственно вызовам времени, но и как ряд нерешенных проблем, связанных с поисками национальной идентичности. При этом вопрос ставится не только в плоскости «Кто мы есть?», но и в аспекте «Будем ли мы у своей тожде-

ственности вообще?». Ведь за двадцать лет независимости украинцы так и не решили проблемы собственной идентичности. А ведь энергетика государства определяется, прежде всего, энергетикой нации.

С достижениями определенного стартового уровня для модернизации, Украина вследствие разрыва между желаемыми последствиями изменений и реальными их результатами, оказалась в ситуации, известной в науке как «синдром модернизации». Речь идет прежде всего о противоречиях политики догоняющей модернизации. Если процесс либерализации экономики является системным звеном мирового экономического процесса, а поэтому не исключает элементов глобальной стандартизации, то модернизация общества предусматривает принципиально иную конфигурацию реформ. Модернизированное общество возможно лишь тогда, когда оно утверждается на собственной основе, опирается на национальную идентичность, духовные и культурные ценности своего народа, реализует основной принцип – «быть самим собой».

В этой связи четко вырисовываются три позиции. Во-первых, движение общества по заранее заданной траектории, за наработанными кем-то и навязанными извне схемами и моделями противоречит целям возрождения национальной идентичности, утверждения собственного «Я», ведет к интеллектуальной деградации общества, опустошению личности. Человечество перестает быть субъектом здравого смысла, его общественные ожидания и оценочные суждения строятся не на основе собственных опущений и реального опыта, а лишь путем механического сопоставления, безальтернативной аксиомы: мол, «а у них это делается по-другому...».

Во-вторых, на основе идеологии и принципов догоняющей модернизации деформируется политическая система общества, она становится односторонне ориентированной. Создается ситуация «придушенного плюрализма», тогда как действительный плюрализм взглядов как основа демократии практически исключается. Односторонне, искаженно интерпретируется историческая миссия народа, его роль в определении судьбы своей страны, в процессах государственного строительства. В такой ситуации народ как основной субъект общественного прогресса уже не может считаться носителем своей истории. Трансформационный процесс все более и более выступает не столько способом самореализации народа, жизнью народа в его собственной истории с ее коллизиями и противоречиями, сколько механическим воплощением заимствованных ценностей.

В-третьих, следствием идеологии догоняющей модернизации становится деградация реформаторской элиты. Стремясь любой ценой утвер-

дять в собственной стране чужие стандарты (западные или восточные, не имеет значения), она денационализируется, становится космополитической, виртуальной. Непоследовательность украинской национально-демократической элиты объясняется в значительной мере именно этим. Представители нашей элиты живут в Украине – и вроде бы не живут в ней. Прикрываясь громкими фразами реформаторства, они на деле превратились в проводников воли доноров, в послушных первоклассников, которые воспринимают все рекомендации извне за чистую монету. Отсюда настойчивое желание сменить свою идентичность, уподобиться тем, кто служит для нее образцом. Свою общественную миссию украинский правящий класс видит в том, чтобы внедрить заимствованную извне новую идентичность в сознание масс. Собственно, это и есть, по его мнению, модернизация [7].

Необходимо осознать, что проблемы, перед решением которых оставилась Украина в своем развитии, не сводятся исключительно к экономическим. Это проблемы более системного порядка – проблемы несформированности украинского общества. Экономические преобразования теряют какой-либо смысл, если они не связываются с системным обновлением общества в целом. Модернизируя экономику, мы тем самым модернизируем и общество – таким должно быть основное кредо провозглашенной ныне политики реформ. Не уменьшая значение задач экономического развития, все же считаем, что реформирование экономических отношений, обеспечение их стабильно сбалансированной динамики, как и придание принципиально новых импульсов социальным преобразованиям, возможны лишь на качественно новой основе – на основе мировоззренческой консолидации украинского общества, его осовременивания, модернизации, утверждения либеральных ценностей развития и демократии. Иных путей системной модернизации украинского общества не существует.

Основные задачи украинской модернизации лежат вовсе не в технологической сфере и заключаются отнюдь не в компьютеризации школ, не в строительстве разнообразных «биоагроэкополисов» и даже не в ускоренном развитии нанотехнологий. Главное назначение украинской модернизации – это создание современного общества, современных социальных институтов и инфраструктуры, восстановление сознания своей «современности», формирование гражданина-патриота с инновационным мировоззрением, мышлением, культурой. Результирующая цель модернизации – обеспечение конкурентоспособности Украины как государства и нации.

Реформы должны оправдываться естественным желанием украинцев что-то изменить, улучшить, усовершенствовать в своей жизни, оставаясь при этом самими собой, сохраняя свою самобытность, а вместе с тем и стремлением стать во многом другими, избавиться от чувства своей ущербности и неполноценности, возникающего при сравнении с другими, развитыми, странами и народами. Понятно, что реформы, идущие вразрез с образом жизни и менталитетом украинцев, будут носить только принудительный характер.

Акцентируем внимание на этом, чтобы подчеркнуть органическую связь четырех взаимосвязанных процессов: 1) выработка национальной идеи, которая должна заполнить существующий мировоззренческий вакуум и стать способом решения экзистенциальных вопросов существования украинской нации, важнейшей основой консолидации украинского общества, придать ему новых импульсов самоутверждения; 2) формирование дееспособной, конструктивной в своих стремлениях национальной элиты. Она должна опираться, прежде всего, на исторические достижения и устремления украинского народа, на духовную суверенность нации, ее извечные идеалы; 3) развитие и рост экономики должны определяться креативным потенциалом общества. Общество – это, прежде всего, духовное единение людей на уровне мировоззренческих ценностей, общего видения перспективы. Это построенная на доверии система устойчивых социально-коммуникационных связей и, наконец, способность создавать максимально благоприятные условия самореализации энергетических возможностей каждой личности и нации в целом; 4) осуществление инновационной модернизации, под которой мы понимаем продуктивное скачкообразное технологическое, хозяйственное, социально-политическое и гуманитарное обновление украинского общества и украинцев на основе модели опережающего, а не догоняющего развития, на основе проактивной и инициативной стратегии, а не реактивной тактики.

Сегодняшний исторический момент не оставляет украинскому обществу иных вариантов, кроме как стремиться к реализации именно этого проекта. Нужно прекратить неуправляемые процессы десоверенизации, бегство пассионарных элит вместе с большинством граждан во внешнюю и внутреннюю эмиграцию. Псевдомодернизация, осязаемое падение уровня образования, манипуляции с собственной историей, коррупция и проблемы верховенства права могут не оставить нам шансов на европейский «модернизационный рывок».

В своих модернизационных устремлениях Украина не противостоит ни Европе, ни России. В действительности она противостоит возможнос-

ти собственного небытия, своего социокультурного «угасания». Интеграция Украины в Европу — это не просто стратегическая цель, а значительно больше — это воссоздание нашей идентичности, возвращение собственного «Я», это основа нашей суверенности и независимости. Но нужно помнить, что евроинтеграция — это не только желание стать членом ЕС, а прежде всего трансформация украинского общества на европейских началах и ценностях.

Отождествление модернизации с вестернизацией, т. е. развития по западным образцам, или тезис о принципиальной непригодности для Украины как культуры модернизировать, так и всего опыта западного развития, часто мешает снять идеологические шоры и взглянуть на проблему развития Украины критическим взглядом, позволяющем сформулировать новые альтернативы, подчеркивающие самобытность культуры Украины и ее значение для мировой цивилизации, новую философию постмодернизации в целом. Это означает отказ от ложных альтернатив изоляционизма или слияния с Западом и предполагает опору на собственные силы, эндогенные предпосылки модернизации.

Переориентация интересов и целей политики модернизации с вестернизации на национальные ценности, развитие духовности и есть единственный способ возвращения в современность, обретения идентичности, соответствующей реалиям глобализирующегося мира. Успешная инновационная модернизация прорывного (недогоняющего) типа на основе широкой солидарности и баланса сил — между властью, амбициозными группами населения, включая представителей бизнеса, и народом, проводимая с опорой на этические нормы и «миростроительные» ценности восточнохристианской цивилизации, способна стать вкладом Украины в теорию и практику современного развития, а также может оказаться важнейшей предпосылкой для «украинского чуда» — трамплином в сообщество — если не лидеров развития, то хотя бы не-аутсайдеров. Ведь на исторических изломах лидерство может перехватить тот, кто станет проектантом и «дизайнером» общемирового будущего, кто первым заявит новые смыслы и ценности начинающейся эпохи [8]. Не повторять и копировать то, что уже пройдено другими, а вместе с ними участвовать в создании нового мира — лишь только так можно преодолеть поразивший нас кризис и наверстать упущенное, заявить о себе как о развитой стране XXI века и сохранить себя в глобальном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Межуев В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации / В. М. Межуев // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение» – 2009. – №1 – Философия. Политология.
2. Зайцев М.О. Модернізація і проблеми національної ідентичності // Україна в контексті євроінтеграції: Матеріали Міжнародної науково-теоретичної конференції. – Наукове видання. – Суми: Вид-во СумДУ, 2005. – С.64-65.
3. Федотова В. Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей модернизации» // Модернизация и национальные культуры / В. Г. Федотова. – М.: Горбачев-фонд, 1995. – С. 65-70.
4. Блохин Л.Ф. Традиционные экосоциальные системы как основа устойчивого развития в тропиках (на примере Западной Африки) / Л. Ф Блохин // Человек: образ и сущность (гуманитарные аспекты). Биосфера, ноосфера и экология. Ежегодник ИНИОН РАН. – М., 1999. – С. 44-66.
5. Рамзес В. Глобализация стучится в дверь // Япония: собрание очерков «вслед за кистью» (дзуйхицу).– М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.–С.35-36.
6. Янукович В. Ф. Модернізація України – наш стратегічний вибір. Щорічне послання Президента України до Верховної Ради України від 7 квітня 2011 року // Время регионов. Всеукраинская газета. – 2011. – № 13 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.partyofregions.ua>
7. Гальчинський А. С. Лібералізм: уроки для України: наук.-попул. есе. – К.: Либідь, 2011. – С. 161.
8. Окара А. Н. Новая идея для новой Украины // День. – 2010. – 9 июня. – С.4.

Гжегож Качиньский
(Щецин)

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. АКТУАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ НАРОДА ФЛОРИАНА ЗНАНЕЦКОГО

До недавнего времени какая-либо дискуссия о формировании современной национальной идентичности носила характер чисто софистический, можно сказать – интеллектуально компрометирующий. На это повлияло несколько причин, которые можно обобщить до двух основных.

Первая возникла из убеждения, что национальное государство является воплощением национализма – главного источника трагедий конца XIX века и – по определению Э. Хобсбаума – «короткого» XX века. Таким образом, Э. Хобсбаум хотел обозначить трагизм ушедшего столетия –